

Это случилось на рассвете.

На улицах Ньярлатара стоял густой туман. Он поднимался от ледяного моря, растекался по площадям и опадал росой на траву в клумбах и садах, раскинувшихся по всему Ньярлатару. Было тихо и скучно. Сквозь плотную дымку, чуть розоватую от восходящего солнца, виднелись лишь силуэты домов, заборов и фонарных столбов. Морозные китовые свечи, давнишний символ Ньярэша, плавил клубящуюся завесу, озаряя Ньярлатар колдовским огнем. Им вторил маяк, ярким лучом разрезающий белую тишь.

В чистом светло-сером небе гасли последние звезды. Шумели волны, разбиваясь о корабельные борта и стены Ньярлатара. И, пусть доки ни на минуту не прекращали работать, обитатели верхних кварталов не спешили покидать дома. Пятница, первый из выходных дней, всегда начиналась поздно.

В особняке Готе не спали лишь младшая леди и слуги, с самого раннего утра затеявшие уборку. Ньярла сидела в кухне на огромном столе в окружении кухонной утвари. Ее ночное платье покрылось жирными пятнами, и мятного цвета ткань пестрела теперь бурым и желтым. Ньярлу это не волновало. Она сидела, окруженная вкусными запахами и жаром раскаленных печей, и пыталась не уснуть.

Она не могла спать сейчас. После той болезни, свалившей ее шесть лет назад, приходилось посещать ежемесячные осмотры. Никто не знал, может ли произойти рецидив, но отец волновался, а Ньярла не хотела возвращаться вниз. Поэтому она и сидела сейчас на кухне родного дома.

Ньярла держала в руках граненый стакан. По большей части, ее медосмотр состоял из анализов, так что до сдачи крови ей разрешалось пить только воду. Ей хотелось бодрящего солоноватого тока, но она была послушной девочкой, когда дело касалось ее здоровья... В любом случае, ни ее ночные прогулки, ни заплывы на несколько десятков километров еще ни разу не сказались на ее организме!

Раздался стук. В дверном проеме стояла строгая поджарая служанка.

- Мариша, - протянула Ньярла, глядя на нее.

- Пора собираться, госпожа. На улице туман, так что я подготовила ваш брезентовый плащ и панаму.

Мариша была очень высокая и напоминала жердь. Месяц назад ей исполнилось, вроде бы, сорок, но выглядела она гораздо старше. Она собирала жидкие белесые волосы в пучок настолько тугой, что кожа - и вместе с тем морщины - тянулась к затылку. И худое лицо выглядело еще тоньше и острее. Мариша была строгой и скупой на эмоции, но она заботилась о Ньярле больше, чем предписывал договор.

Ньярла сползла со стола и прошла мимо служанки, с неудовольствием рассматривающей жирные пятна на платье. Ей все еще хотелось спать.

– Я знаю, что там туман, но к девяти утра станет ясно, – произнесла она, стягивая одежду. Было холодно, и, стоя босиком на каменном полу, Ньярла моментально озябла. – А вечером пойдет дождь.

Мариша кивнула. Все слуги в особняке знали, что маленькая госпожа распознает погоду на ближайший день с самого утра. Любопытствующие служанки просили научить, но детские объяснения были настолько запутаны, что разобрать их не мог никто.

Шли, как обычно, молча. Ньярла хотела бы побежать к ратуше вприпрыжку, напевая считалочку про синиц или песнь морей, но ведь «так ведет себя только глупая и невоспитанная челядь», а она – дочь Мастера. Иногда Ньярле просто хотелось побыть этой самой челядью. С другой стороны, она же не говорила никому о ночных прогулках. Да и что она могла сделать, если именно ночами тянуло гулять. А потом спать все утро.

Глаза слипались. Было тихо и влажно, только выделялись в туманной серости темные неточные силуэты зданий, облепивших дорогу как морские уточки – корабельное дно. Из громкоговорителей мягко лилась спокойная музыка. Через час, когда люди начнут просыпаться, диктор в первый раз зачитает новости за неделю. Потом запись повторится: через два часа и еще через два.

Много времени дорога не заняла: ратуша и мастерское поместье находились всего в трехстах пятидесяти метрах друг от друга. Ратуша представляла собой трехэтажное здание, напрочь лишенное каких-либо изысков в отделке. По крайней мере, Ньярле было бы сложно назвать изыском покрашенные в темно-серый кирпичи. Главное здание города полностью соответствовало добродетелям ньярлатарских жителей – строгости и простоте. Но градостроители, понимая, как неказисто выглядит ратуша в сравнении с обступившими ее особняками, разбили несколько клумб.

В центре стояла грубая каменная стела. «Здесь первые Мастера основали третий оплот порядка и справедливости» – гласили слова на ней. Едва завидев стелу, Ньярла тут же поскакала к ней. Это был ее законный ритуал – стукнуть кулачком ярко-карминовый знак под надписью. Папа называл его символом человеческой свободы. Ньярла не понимала, как у свободы может быть символ, но не спорила.

Стоя около дверей ратуши, она ждала Маришу. К сожалению, эти двери были слишком

большие и тяжелые для детей, а потому самостоятельно открыть их Ньярла не могла. Внутри, как и всегда, пахло затхлостью и вековой пылью. Ратуша никогда не нравилась Ньярле: слишком большая, слишком железная, старая и мрачная. И здесь запрещали играть даже ей. Поэтому во всем здании Ньярла знала только одну дорогу – от выхода к кабинету Мастера. И оттуда уже вниз, в лаборатории.

Мариша оставила ее перед дверьми в кабинет Мастера. Ей нельзя было идти дальше: за одно только знание, что в Ньярлатаре есть тайные лаборатории, Марише пришлось дать несколько магических клятв. О том, что находится под городом, никто не должен был знать: секретные разработки в секретных лабораториях секретно секретны.

Двери в кабинете были крепкие, дубовые со стальной окантовкой – такие же надежные, как и вся остальная мебель в кабинете. Ньярла улыбнулась. Она смотрела на отца, занятого документацией. Генрих, усталый и засыпающий во время чтения, совершенно ее не заметил. Он был слишком занят. Ньярла могла бы просто спуститься в процедурный кабинет, но она не видела папу больше недели и успела по нему соскучиться. Она тихо хихикнула. Генрих не услышал, несмотря на отсутствие иных звуков в помещении.

– Как дела, пап? – спросила она.

Генрих медленно поднял голову. Он выглядел удивленным и уставшим. Слегка нахмурившись, он задумался. Он осмотрел Ньярлу, документы вокруг себя и батарею из пустых бутылок под окном. Кажется, их было штук пятьдесят.

– Уже пятница? – спросил он. – Ты не любишь это место, дорогая.

Ньярла кивнула. Она вообще не приходила бы в ратушу, если бы не анализы. Ну, может быть, очень редко, когда желание увидеть папу становилось бы невыносимым. Она подошла к Генриху и обняла его. Хорошо, что сидел он на стуле, а не в кресле.

– Я скучаю, пап. Тебя не было дома уже девять дней.

– Ох, Ньярла. Сними пальто, хорошо? – пробормотал он, вновь отвлекаясь на документацию. – Оно влажное.

Она вновь кивнула, несколько не обиравшись на родителя. По ее мнению, взрослые всегда занимались скучными, но важными вещами. Мастер же занимался вещами вдвойне скучными и важными настолько, что не сделай он работу вовремя, Ньярлатар развалится как пирамида из мячиков.

– Открой дверь, пожалуйста.

Она волновалась. Каждый раз, как впервые, спускаясь в лаборатории, она осознавала, что

провела там большую часть своей жизни. Тихо заскрежетал о деревянные половицы стул, и Генрих подошел к ней, шаркая кабинетными тапочками. Он так часто пропадал на работе, что личных вещей его в кабинете было больше, чем в поместье.

- Нам надо будет серьезно поговорить, когда ты закончишь, - произнес он напоследок и закрыл дверь.

Ньярла стояла в коридоре. Ей было сложно двигаться и дышать: каждый раз она боялась остаться здесь навеки. Четыре года. Четыре года она жила в полумраке восьмого района. И даже сейчас это место не отпускало ее, преследуя в каждом кошмаре. Под потолком висели керосиновые лампы, освещая длинный коридор. В голых каменных стенах виднелись высеченные надписи на пьенте, древнейшем из наречий. Все это место было покрыто одним сплошным текстом, повествующем о строении Ньярлатара. Правда, некоторые места больше походили на своеобразные магические ловушки, но Ньярла не понимала, кого собирались держать в самом низу.

Она пошла вперед. Ей всегда требовалось время, чтобы осознать: всего два пролета, никто не утащит ее на дно. Никаких теней, прозрачных щупалец-нитей, злобных дикарей или врачей. Только она и лестница. И лестничная шахта похожая на хищную пасть с горящими зубами-лампами.

«Цок-цок» - стучали ее каблучки о проржавевшие ступени. Эту лестницу нужно было заменить камнем еще лет семьсот назад, а то и изначально вырубать ее из камня. Но кто же стал бы это делать?

- Маленькая леди, почему вы плачете? - донеслось до нее откуда-то справа. Ньярла вздрогнула, обернувшись. Она стояла рядом с дверью нужного ей уровня.

Ньярла сидела на кушетке. Ей каждый раз становилось плохо от сдачи крови, но так было нужно. Лучше перетерпеть легкое головокружение, чем пропустить ухудшение состояния. В процедурной горел до неприятного белый искусственный свет. Здесь было мало вещей: пара стульев; кушетка; шкаф и четыре стола, три из которых заставили пробирками, а последний - бумагами. Стены здесь, как и в остальных помещениях, сияли белизной краски. Выделялись на них только дверь и огромный плакат на противоположной от входа стене. Красной, как кровь, краской на нем горела надпись: «Товарищ, помни о контроле температурного режима!»

Ньярле нравился этот плакат, но сейчас она рассматривала не его. Она смотрела на себя, отраженную в начищенной стенке стального шкафа. Ее синие волосы казались почти черными

при слабом ламповом освещении. Она болтала босыми ногами – белыми настолько, что сквозь кожу просвечивали вены. Ньярла не любила свою кожу за эту тонкость: это заставляло ее выглядеть болезненной, напоминая о не самой лучшей части ее жизни.

Она медленно отодвинула волосы с левой стороны лица и вновь увидела эту мерзость. Вечное напоминание о пережитом, ее клеймо. Ее глаз. Правый был самым обычным, сине-зеленым, похожим на морскую воду. Но левый, белый, полупрозрачный и похожий на желе, не имел ни зрачка, ни радужки. Кожа вокруг него трескалась и шелушилась, как при ихтиозе, но исправить это не получалось. Ньярла ненавидела эту часть себя. Люди боялись.

– Ринц, – окликнула она молодого человека, сидящего в дальнем конце кабинета. – Сегодня все хорошо.

Он отставил пробирку с кровью и обернулся. С рассеянным видом он поднялся и поправил очки.

– Ты уверена, что не хочешь посидеть еще?

Ньярла захихикала. Она прекрасно знала, что Виктор, человек исполнительный, любил отлынивать от работы. Медицина владела его разумом, но сердце принадлежало прокрастинации. Поэтому Ринц хотел оставить ее в процедурной подольше: Генрих вверил свою дочь главе НИВМ, Отто Ихтису. Но, так как ее лечение ограничивалось анализами, доктор Ихтис передал девочку подающему надежды практиканту – Виктору «Ринцу» Палусу. И попросил просто следить за ребенком: практически сразу стала очевидна плохая реакция Ньярлы на сдачу крови. За три года она не упала в обморок всего девять раз. Сегодня был десятый.

Можно сказать, что Ринц и Ньярла были хорошими знакомыми. Секретность лабораторий предполагала отсутствие каких-либо разговоров кроме рабочих, так что первые два года их общение ограничивалось приветствиями и прощаниями. Ньярла бесилась, Ньярла хотела познакомиться и поговорить с веселым и чудным лаборантом, о котором ходила полушутливая молва. А потом они встретились в книжном магазине и сумели, наконец, поговорить.

– Ну, пошли тогда, – сказал Ринц, распуская хвост. Идти было недалеко, всего сорок метров до лестничной шахты, но никто не имел права нарушать правила лабораторий. Белые стены, белые двери, яркий свет керосиновых ламп и тишина. Ньярле нравилось это место, но еще больше нравилось возвращаться назад.

Лестница скрипела, но все еще держалась. Она постоянно ржавела из-за влажности воздуха, но менялась раз в полтора столетия. Ньярла лично видела толстую папку с отчетами о завершении ремонтных работ. Отчетов этих было сорок два. «Глупо, – считала Ньярла. – Можно было просто сразу ставить каменную лестницу, вырубив ее из стен». Вернулась она гораздо быстрее. Изнутри открыть дверь в кабинет Мастера было намного легче, чем снаружи. Ньярла хотела зайти, забрать пальто и, не отвлекая папу, уйти. Но Мастер был не один.

Рядом с его столом, оперившись на подоконник, стоял тот мужчина. Солнце, словно корона, горело в его волосах. Он говорил с отцом, и Ньярла с удивлением поняла, что голос у него звонкий, почти мальчишеский. Они не видели ее, но вешалка с плащом находилась рядом с папой. Это была идеальная возможность познакомиться. Ньярла обошла незнакомца. Первым ее заметил отец.

- О, вы уже закончили? - спросил он. Человек с пепельными волосами удивленно посмотрел на нее.

- Да, пап, сегодня все в порядке, - она улыбнулась и, повернувшись к незнакомцу, сказала, - меня Ньярла зовут. А вас?

Он медленно моргнул и ответил:

- Арла, один из немногих выживших жителей Арлатара. Я не думал, что вы настолько патриотичны, Генрих.

Арла казался совершенно спокойным и расслабленным, но почему-то Ньярла была уверена - он удивлен, но не хочет показывать этого. Разговор получался неловким. Ей хотелось спать.

- Я надеюсь, что вы тоже полюбите Ньярлатар, - произнес Генрих.

Ньярла взглянула на арлатарца и решила, что еще успеет с ним пообщаться. Он останется здесь, а она спала всего три часа. К тому же, Мастер и Арла обсуждали что-то важное, что-то про мастерское наследие, и Ньярла не хотела им мешать. Она попрощалась и, уже выходя из кабинета, услышала:

- О, не сомневаюсь. Город прекрасен.

Она вздрогнула. Арла говорил совершенно спокойно, чуть весело даже. Но почему же ей стойко чудилась угроза?

- Ньярэш, ко той эри молэт те пьё зин, - прошептала она. - А инури тезо, каг иттэи ба то.

<http://tl.rulate.ru/book/21227/459168>